

Гностик отрешается, таким образом, от «формы» вещи (ее «природной» сути, ее элементности), проникая в «недра» элементов, постигая универсалии. Игра однокоренных слов — излюбленный прием Ибн Араби — иллюстрирует эту мысль: «недра» по-арабски «батн», а «скрытое» (скрытая в «форме» универсалия) — «батын».

Для подтверждения этого же положения используется и хадис «Если бы вы отпустили веревку, она упала бы на бога». Эта фраза в контексте рассуждений Ибн Араби может иметь неоднозначное толкование, исходящее из значений слов «далля» (отпустить, опустить; уронить в пропасть; привести в качестве доказательства) и «хабл» (веревка; покровительство). Если «отпустить» заменить на «уронить в пропасть», то мы получим смысл, тесно связанный с предыдущей фразой: в «пропасти», т. е. в недрах земли (как элемента) скрыт бог. Если «отпустить» заменить на «привести в качестве доказательства», а «веревку» на «покровительство» (зимма), хадис приобретает более сложный смысл, связанный уже со следующим за ним кораническим аятом. Под «покровительством» Ибн Араби обычно подразумевает отношение господства (атрибуты бога как бы «берут под покровительство» тварную вещь, в которой воплотились). Таким образом, руководствуясь связанностью любого из атрибутов любой вещи с атрибутом бога, мы неизбежно приходим к богу как первоначальному — таков смысл хадиса при этой трактовке. Наконец, несколько иной нюанс придает ей еще одно (крайне редкое) значение слова «далля»: оно является синонимом уже встречавшегося нам глагола «тахайяра» — быть в состоянии (суфийской) «растерянности».

Итак, Ибн Араби трактует слова Ноя следующим образом: Ной призвал бога даровать представителям своего народа «благо» мистического приобщения к божественной сущности, «сокрыв» от них их отделенность от нее.

⁸¹ Коран, 71 : 28 (пер. мой. — А. С.).

⁸² Коран, 71 : 28 (пер. Г. Саблукова).

⁸³ В состоянии «фана», состоянии мистического единения с богом, бытие человека сливается с божественным бытием, и человек становится, как и бог, «господом» тварного мира. Такова «энтелехия» отношений господства между атрибутами человека и атрибутами мира; по эти отношения всегда существуют как возможность и в обычном человеке («рабе» бога).

⁸⁴ Коран, 71 : 28 (пер. мой. — А. С.).

⁹⁰ Т. е. универсалии и элементы.

⁸⁵ Там же.

⁹¹ Коран, 71 : 29 (пер. мой. — А. С.).

⁸⁶ Там же.

⁹² Там же.

⁸⁷ Коран, 71 : 29 (пер. мой. — А. С.).

⁹³ Там же.

⁸⁸ Коран, 6 : 91 (пер. мой. — А. С.).

⁹⁴ Там же.

⁸⁹ Коран, 71 : 29 (пер. мой. — А. С.).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Под «погибелью» Ибн Араби подразумевает состояние «фана».

⁹⁷ Коран, 28 : 88 (пер. мой. — А. С.).

А. М. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ И ЕГО ТРАКТАТ «ДИАНИОЛОГИЯ»

А. В. Гулыга

Ныне фактически забытый русский просветитель Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752—1809) был образованнейшим человеком своего времени, состоял членом Петербургской Академии наук, Академии художеств, Российской академии словесности, Академии древностей в Касселе, Академии словесности в Нанси, Болонского института. Принадлежал он к старинному княжескому роду, ведущему свое начало от легендарного Рюрика.

(На Куликовом поле в 1380 г. полегло четырнадцать князей Белозерских.)

Александр Михайлович родился в 1752 г. В юности с отцом-дипломатом он побывал в Англии. Двадцати лет был произведен в прапорщики гвардейского Измайловского полка, однако болезнь легких заставила прервать военную службу. Белосельский отправляется для пополнения образования в Западную Европу. В Италии он посещает музеи, изучает музыку, пробует силы в поэзии и прозе. Свои первые французские стихотворные опыты он посылает Вольтеру и получает благожелательный ответ. Он много путешествует. В Гааге в 1778 г. выходит его книга «О музыке в Италии».

Одно из его писем с путевыми впечатлениями попало на глаза Екатерине II. Ей понравился литературный слог автора, и этого оказалось достаточно, чтобы получить звание камер-юнкера и назначение посланником в Дрезден. Дипломатические обязанности не помешали Белосельскому продолжать литературную деятельность.

В Париже двумя изданиями (в 1784 и 1789 гг.) выходит его сборник стихов, известность из которых получают «Послание к французам» и «Послание к англичанам». Поэт высоко оценивает утонченную французскую культуру и признает свою зависимость от нее, но противопоставляет легкомысленной французской переменчивости строго величавость русской монархии, французам же он советует перенять у русских терпимость и свободомыслие. «Послание к англичанам» содержит изложение английской истории, перерастая затем в сатиру на политические нравы англичан, гонящихся за «химерой» свободы, а в действительности оказывающихся жертвой эгоистических интересов. И это «Послание» завершается прославлением разумного порядка, который с неумолимостью открытых Ньютоном небесных законов царит на бескрайних северных просторах.

Главный труд Белосельского — «Дианиология, или Философская картина интеллекта». Он был написан на французском языке и опубликован в 1790 г. в Дрездене. Второе издание выходит в 1791 г. в Лондоне. В том же году появился немецкий перевод в Фрейберге. Есть сведения об изданиях на английском и итальянском языках. В 1795 г. готовилось русское издание, оставшееся неосуществленным¹

В 1790 г. Белосельского переводят из Дрездена в Турин. Русский посланник внимательно следит за политическими событиями, разворачивающимися в соседней Франции. Никакой симпатии к революции он не испытывает, но в своих дипломатических донесениях описывает революционные события объективно и живо² Теперь его слог вызывает высочайшее раздражение, и Белосельского отзывают в Россию. Своим литературным способностям он был обязан и началом дипломатической карьеры и ее концом.

В Петербурге он ведет жизнь барина и мецената. Независимое положение в обществе и огромное состояние позволяют ему беспре-

пятственно продолжать свои литературно-философские занятия. Он пишет трагедию «Лжедмитрий», которая не имела успеха и не дошла до нас. Он создает фривольный водевиль «Олинька», постановка которого в домашнем театре вызвала скандал и чуть было не закончилась для автора плачевно³ В стихах пытается Белосельский изложить историю России, но оставляет поэму незаконченной. На французском языке он пишет стихотворный «Диалог между Мудрецом и его сыном Эспером», который посвящен природе Вселенной и познанию бога (напечатан в журнале «Северная пчела»).

А. М. Белосельский умер в 1809 г. После него осталось богатое рукописное наследие (стихи, эссеистика, письма), которое ныне хранится в ЦГАЛИ в фонде его дочери — Зинаиды Волконской. Французская часть этого наследия была изучена и опубликована парижским славистом А. Мазоном в его книге, посвященной Белосельскому и Мещерскому⁴

* * *

Свой философский трактат «Дианиология» Белосельский послал Канту. Скупой на похвалы (и отнюдь не льстец) философ откликнулся восторженно. «Вашему Сиятельству суждено было разработать то, над чем я трудился в течение ряда лет, — метафизическое определение границ познавательных способностей, — но только с другой, а именно антропологической стороны»⁵ — так говорится в черновике ответа Канта Белосельскому.

Чем объяснить восторженный прием «Дианиологии» Кантом? Что могло понравиться ему в трактате Белосельского?

Для вящей наглядности Белосельский сопровождает свои рассуждения схемой. Текст трактата, по сути дела, комментарии к ней. Перед нами пять концентрических окружностей, каждая изображает познавательную способность. В центре — «инертная неопределенность», представляющая собой лишь потенцию познания. Низшая сфера познания — животная «тупость», где господствуют инстинкт и чувства. Далее «сфера простоты или суждения», здесь руководствуются здравым смыслом и интуицией. Затем «сфера рассудка», отличительные черты которой — ясность и последовательность. Выше расположена «сфера прозорливости, или трансценденции», ее особенность — познание предмета как целого. И наконец, «сфера духа» — область творческого воображения.

Между познавательными «сферами» Белосельский располагает «пространства», как бы указывая на рубеж, за которым познание превращается в свою противоположность. «Сферы» — узенькие полоски, пространства — довольно широкие полосы: автор явно убежден, что ошибки, безрассудство и глупость в человеческом мире превалируют над способностями умножать и усваивать знания. И особенно опасается он самонадеянной и невежественной псевдоучености: «Ученый дурак глупее дурака неученого».

Кант увидел в схеме Белосельского все те познавательные способности, которые описаны в «Критике чистого разума». Соответствующие термины Канта — чувственность, способность суждений, рассудок, разум. Чувственность дает материал, содержание наших знаний, рассудок облекает его в логическую форму.

Главное открытие Канта в теории познания состояло в признании определяющей роли воображения для познавательного процесса. До него воображение считалось прерогативой поэтов, сухой же педант из Кенигсберга увидел поэтическое начало в процессе образования понятий. Белосельский близок Канту своей высокой оценкой роли воображения и трезвой — его границ. Для Канта продуктивное воображение — своего рода главный конструктор всех его философских построений. В теории познания это сила, осуществляющая не только синтез чувственности и рассудка, но создающая и самирассудочные категории. Априорное происхождение категорий, о котором говорит Кант в «Критике чистого разума», возможно вследствие того, что существует время, а последнее возникает благодаря действию воображения.

Для Белосельского «сфера духа», равнозначная кантовскому «продуктивному воображению», — высшая познавательная способность. Единственная граница для нее — сама жизнь: воображение должно оперировать только реальным материалом, не фантомами, иначе на своих крыльях (выразительно венчающих схему) оно может легко унести в «пространство вымыслов», выродиться, как говорил Кант, в «пустое умничанье».

Следуя древней традиции, Кант отличал рассудок от разума, как область науки от сферы философии: первая расчленяет мир, вторая стремится схватить мир как целое. У Белосельского наряду со «сферой рассудка» предусмотрена «сфера прозорливости, или трансценденции», главное назначение которой состоит в том, чтобы видеть сразу множество опосредований.

Есть еще одно обстоятельство, которое не могло не импонировать Канту, — интерес Белосельского к проблеме игры. Дух игры, говорится в «Дианиологии», «еще не оценен по достоинству». Кант первым старался это сделать, для него игра — основа красоты и культуры.

Сопоставление Белосельского с Кантом имеет свои границы. Помимо колоссальной разницы в глубине разработки затронутых проблем, есть между ними одно принципиальное различие в подходе к делу. Для Канта познавательные способности присущи человеку как таковому. Для Белосельского каждая из отмеченных им «сфер» — своего рода разряд, в который природа зачисляет индивида, в пределах которого он может себя совершенствовать, но за рамки которого он выскочить не может. Белосельский видит социальное неравенство и не одобряет его, неравенство способностей он считает естественным и невосполнимым. Человеку остается лишь правильно определить свою принадлежность к той или иной сфере и развивать то, что дано ему от рождения.

Белосельский приложил к своему трактату еще одну схему, в которой попытался дать «дианиологическую» классификацию некоторых знаменитостей, распределив их по четырем своим интеллектуальным сферам. Аргументами он себя здесь не утруждает. Можно лишь гадать, почему в «сфере суждения» наряду с философом Эпиктетом и художником Дюрером оказалась мадам де Помпадур. В «сфере рассудка» мы находим Людовика XIV, Лютера, Пуссена, Эпикура, Юма. В «сфере прозорливости» — Кромвеля, Кальвина, Локка, Паскаля. В «сфере духа» Петра I, Фридриха II, Леонардо, Рафаэля, Микеланджело, Шекспира, Платона, Декарта, Руссо. Здесь трактат Белосельского опускается до уровня светской беседы — занимательной, но не обязательной.

В какой мере Белосельский был знаком с трудами Канта, сказать трудно. К. Ставенхаген называет русского князя в числе студентов кенигсбергского философа⁶ Это недоразумение: Ставенхаген ссылается на упомянутый выше черновик письма Канта Белосельскому, но там нет никаких сведений подобного рода. В опубликованных матрикулах Кенигсбергского университета имя Белосельского не значится⁷ В соответствии с духом времени русский аристократ Белосельский получил французское образование, впитал идеи энциклопедистов — Вольтера, Руссо, Монтескье, имена которых упоминаются в «Дианиологии». О Канте там ни слова.

Близость Белосельского Канту, на мой взгляд, не результат изучения критической философии. Но и не случайное совпадение. Оно возникло как следствие общего интереса обоих мыслителей к насущным проблемам эпохи, поставленным предшествующим развитием теоретической мысли. Кант в середине 90-х годов XVIII в. — наиболее известный немецкий философ. Естественно, что именно к нему обращается Белосельский (в то время русский посланник в Дрездене) за оценкой своего произведения.

И он не ошибся в выборе. Кант по достоинству оценил главные идеи Белосельского. Кроме того, что было сказано выше, отметим и систематизаторские устремления автора «Дианиологии». А Кант — великий систематик. Чтение трактата Белосельского подвигло его на размышления, которые представляют собой своеобразный итог развитию взглядов Канта в этой области: в письме к Белосельскому он дает сжатую характеристику своей философской системы. Нигде в другом месте она в таком виде не предстает.

Под свежим впечатлением прочитанной «Дианиологии» Кант сначала почти полностью принимает позицию автора. «Это замечательное наблюдение никогда еще в достаточной степени не понятое и никем так хорошо не обоснованное — природа предназначила каждому индивиду свою собственную сферу познания, в которой он может преуспеть: таковых сфер четыре, и никто не может перешагнуть собственную, не очутившись в промежутках, которые обозначены вместе с прилегающими сферами очень удачно. (Если мы отвлечемся от сферы инстинкта, общего для человека и живот-

ных.)»⁸ Четыре сферы перечисляет Кант — рассудок, способность суждения, разум и «соединение этих трех с продуктивным воображением, которое составляет гений».

Затем в черновике начинаются уточнения. Кант никогда не считал, что индивиду жестко предопределено пребывание в определенной интеллектуальной сфере, за пределы которой он не в состоянии якобы выпрыгнуть. Кант признавал разницу в темпераменте и в даровании, но придавал большое значение воспитанию и самовоспитанию. От природы, по Канту, — «способность суждения» (она же «смекалка»); «рассудок» и «разум» от образования. Что касается «продуктивного воображения», то Кант, придавая ему огромное значение, никогда не выделял его в качестве особой, «четвертой» познавательной способности. Поэтому, резюмирует Кант в черновике, из «сфер» Белосельского «для рассудка (интеллекта) остается собственно три». Черновик обрывается на фразе относительно систематизаторской роли философии.

В окончательном варианте письма Кант сдержанно оценивает заслуги Белосельского. Панегирик, которым открывался черновик, в отосланном тексте отсутствует. Кант говорит о двух «странах» познания. «Страна мышления в широком значении этого слова есть способность думать, страна созерцания есть простая способность чувственности, интуиции». Первая из этих «стран», по словам Канта, состоит из трех сфер — рассудка (в узком значении слова), т. е. способности создавать понятия, способности суждения, т. е. способности применять понятия к частным случаям, и разума, т. е. способности выводить частное из всеобщего.

Если три указанные способности создадут систему, то они составят «сферу философии». А если они будут поставлены в связь с низшей способностью (простым созерцанием), «а именно с самой существенной ее частью, которая представляет собой творчество и состоит в воображении (однако не поработавшем себя законами, а отдающемся стремлению черпать из самого себя, как это имеет место в изящных искусствах), — то они составят особую сферу *гения*, что равнозначно слову „дар творца“»⁹

Таким образом, Кант намечает пять сфер познания. Если же, продолжает он, воображение отрывается от действительности, «оно перерождается в обычное умопомрачение или расстройство» и носитель его «выпадает из сословия (сферы) человечества, низвергаясь в сферу безрассудства или безумия».

Письмо Канта Белосельскому — своего рода путеводитель по «Дианиологии». Без помощи великого философа трудно оценить достоинства трактата, а непосвященному он вообще может показаться плодом графомании. Так, автор единственной русской книги о Белосельском — В. А. Верещагин пишет по поводу «Дианиологии»: «В этой пустой брошюрке Белосельский, следуя форме изложения „*Maximes*“ Ларошфуко, делит мировой (? — А. Г.) разум на пять сфер проявления: инерция или глупость, интуиция и здравый смысл, ум, проницательность, или трансцендентальность, и чистый разум»¹⁰ Верещагин элементарно запутался

в терминах Белосельского и в его трактате увидел лишь «философский сумбур». (Оценка Канта не была ему известна.)

Эту негативную характеристику «Дианиологии» принял и французский автор — упомянутый выше А. Мазон. «Александр Михайлович явно не имел философского призвания»¹¹. Мазону изготовили копию с хранящегося в ЦГАЛИ письма Канта, он воспроизвел ее в своей книге, но только в качестве: курьеза. Французский славист был убежден, что имеет дело с мистификацией: мол, кто-то из окружения князя решил ему польстить и изготовил «письмо Канта». Аляповатый перевод давал повод для сомнений, к тому же текст его кем-то перечеркнут. (Может быть, самим князем, которого не удовлетворило качество перевода.) Переводчик был явно не в ладах ни с философской терминологией, ни с немецким языком, а вину за свои невразумительные словеса возложил на автора оригинала. Прилагая к русскому тексту «Дианиологии» (тоже довольно неуклюжему) письмо Канта, переводчик писал: «Я думаю, что оно послужит наилучшим одобрением сего исполненного смыслу сочинения. Желательно только, чтоб Господин Профессор Кант знал секрет изображать свои глубокие мысли столь же ясно, как и наш Творец (т. е. автор. — А. Г.). Но этот секрет дан весьма малому числу писателей, а наипаче в метафизике»¹² Переводчик, действительно, на лесть не скупился.

Но главная беда Мазона состояла в том, что он не посмотрел в немецкие издания переписки Канта, где напечатан черновик письма, начало которого буквально совпадает с тем, что хранится в архиве: «„Дианиология“ — драгоценный подарок, который Вашему Сиятельству угодно было преподнести мне прошлым летом, — благополучно попала в мои руки. Два экземпляра книги я передал лицам, способным оценить ее достоинства. Истекшее время не изгладило моей благодарности, но засвидетельствовать ее я откладывал со дня на день. Причиной служили многие помехи, кроме того, мне хотелось кое-что добавить о том поучительном уроке, который я извлек для себя, чего коснусь в самых общих чертах»¹³

Ошибся Мазон и в этимологии слова «дианиология». Он произвел его от греческого глагола *diano*. А вот мнение крупнейшего нашего знатока античности профессора А. Ф. Лосева, зафиксированное в письме к автору этих строк: «Слово *dianologie*, очевидно, происходит от греческого *dianoia* („размышление“, „разум“; „мысль“, „рассуждение“). А. М. Белосельский читает, по-видимому, дифтонг по-новогречески, где он действительно звучит как „и“, передаваемое в латинской транскрипции через „у“. Искусственно создавая сложное слово на французский манер, автор использует обычную соединительную гласную „о“ Вряд ли обоснованно толкование данного термина от греческого *diano*, как думал Мазон, так как глагол этот не имеет никакого отношения к умственным способностям и означает только „довожу до конца“. Надо сказать, что термин «дианайология» встречается

у Г. И. Ламберта в его труде «Новый органон» (1764). Так назвал немецкий математик и философ первую часть своего учения о познании, в которой логические формы изображены с помощью геометрических фигур. Ламберт был членом Берлинской академии наук, в которой сотрудничал и француз Дьедоне Тьебо, наставник молодого князя Белосельского, человек большой культуры, одно время личный секретарь Фридриха II. Возможно, что Белосельский воспринял греческий термин от своего учителя.

Появление «Дианиологии» не осталось незамеченным. В рецензии, опубликованной в иенской «Всеобщей литературной газете» 26 июня 1792 г., отмечались достоинства французского оригинала и промахи немецкого перевода. Другой рецензент писал: «Описание деятельности человеческого рассудка подано по-новому, и избранная автором манера может представить интерес для профессиональных метафизиков. Вообще этот маленький трактат учил тому, что искусство извлекать главное со вкусом и пониманием представляет собой самый трудный вид философского литературного творчества и вместе с тем весьма полезен для мыслителя»¹⁴

В творчестве Белосельского «Дианиология» занимает не случайное место. Об этом говорят не только переиздание и переводы. Автор неоднократно возвращался к кругу ее идей. В панке, которую мне довелось читать в ЦГАЛИ, есть рукописный «Диалог на смерть и на жизнь», где Белосельский говорит о пользе игры, сравнивает дарование игрока с разумом алгебраиста и ссылается при этом на «Дианиологию». В конце диалога — изречение, созвучное пафосу трактата: «Наслаждайтесь всем досыта, но не до усталости»¹⁵. А вот афоризм, который перекликается с содержащейся в «Дианиологии» идеей о неизменности людской природы: «Гора переменила место — верь, ежели угодно. Человек переменил свой нрав — не верь»¹⁶.

Знакомство с «Дианиологией» расширяет наши представления о русском Просвещении XVIII в. Перевод трактата с французского выполнен И. И. Кравченко по изданию: *Dianylogie ou Tableau philosophique de l'Entendement, par Prince Beloselsky à Londres, 1791 chez ELMSLY. Libraire dans le Strand. 44 p.*

Подготовительные материалы этого издания хранятся в ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153.

² Полный текст дипломатических депеш Белосельского из Турина опубликован в журнале «Русский архив» (1877. Кн. 2 и 3).

Белосельский-Белозерский А. М. Олинька, или Первоначальная любовь. Село Ясное, 1796. Эта книжица является единственным прижизненным изданием Белосельского на русском языке. По свидетельству П. А. Вяземского, в подготовке печатного текста принял участие Н. М. Карамзин. См.: Сводный каталог русской книги XVIII в. М., 1962. Т. 1. С. 87.

⁴ См.: *Mazon A.* Deux russes écrivains français. P., 1964. P. 80.

Kant I. Briefwechsel. Hamburg, 1972. S. 573.

См.: *Stavenhagen K.* Kant und Königsberg. Göttingen, 1947. S. 76.

См.: *Erler G.* Die Matrikel des Albertus-Universität zu Königsberg in Preussen. Leipzig, 1911—1912. Bd. 1—2.

⁸ Kant I. Briefwechsel. S. 574.

⁹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 633.

¹⁰ Верещагин В. А. Московский Аполлон. Пг., 1916. С. 34. Верещагин описывает альбом «Московского Аполлона», как называли А. М. Белосельского. Он был любимцем муз, знатоком живописи, музыки и поэзии, сочинял стихи — французские и русские, мы их находим в альбоме. Рядом — письма Вольтера, Мармонтеля и других знаменитостей, автографы Екатерины II и Павла I. Попутно Верещагин рассказывает о жизни владельца альбома. Он с похвалой отзывался о дипломатических донесениях князя из Турина, которые послужили причиной отставки Белосельского. Журит Верещагин Белосельского за фривольную «Олиньку». О «Дианиологии» упоминает неодобительно.

¹¹ Mazon A. Op. cit. P. 80.

¹² ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 20.

¹³ Kant I. Briefwechsel. S. 573.

¹⁴ Altpreussische Monatshefte. 1900. Folge 5. S. 325.

¹⁵ ЦГАЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 102.

¹⁶ Там же. Л. 62.

А. М. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ ДИАНИОЛОГИЯ, ИЛИ ФИЛОСОФСКАЯ СХЕМА ИНТЕЛЛЕКТА

Господину барону де Глейхену,
бывшему полномочному послу
в Париже, Мадриде и Неаполе
и т. д. и т. п.

Кому еще я мог бы посвятить трактат об интеллекте, как не уважаемому другу, острый ум и рассудительный пример которого открыл мне когда-то секрет моего собственного Я и который один помогал мне как бы складывать по слогам философские идеи. Я осмеливаюсь сегодня предложить ему результат этого обучения.

Предмет, я надеюсь, нов, и способ, которым я попытался его истолковать, возможно, необычен для известных мне метафизиков.

В литературе высказать все секреты — значит наскучить, а в философии это, несомненно, средство помешать думать.

Гроций, Пуффендорф, Кондильяк, Вольтер, Даламбер и даже мудрый Локк размышляли над многим, но они оставляют весьма мало что-либо делать после себя другим.

Иначе обстоит дело у Ж.-Ж. Руссо, Монтескье и особенно у Монтеня и Ларошфуко. Они не стремятся осветить все ваши шаги, но собирают лучи света в фокус и озаряют вас в тот самый момент, когда вы остановились.

Они думают, и вы думаете вместе с ними. И иногда пространное воспоминание об их размышлениях соединяется с вашим собственным опытом настолько, что становится полезным вам, как и этот опыт.

Привлекательность таких произведений состоит в том, что в них царят краткость, точность и удачный выбор фраз и предложений.